

Российская Академия наук
Институт восточных рукописей

COMMENTATIONES IRANICAE

*Сборник статей к 90-летию
Владимира Ароновича Лившица*

مجموعه مقالات به مناسبت ۹۰ سالگی
ولادیمیر آرونوویچ لیویشیца

Под редакцией С.Р. Тохтасьева и П.Б. Лурье

Санкт-Петербург
Нестор-История
2013

В.Н. Ягодин

Портретная галерея древнейшей династии хорезмийских царей?

В статье анализируется настенная живопись из храмового сооружения городища Казаклы яткан (Акшахан кала). Устанавливается, что живопись датируется концом II первой половиной I вв. до н.э. Обосновывается предположение, что часть анализируемой живописи представляет собой «портретную галерею» неизвестной ранее царской династии, правившей до начала чеканки правителями древнего Хорезма собственной монеты. Рассматриваются вопросы возможной связи происхождения этой династии в связи с миграцией древнего населения из Бактрии в низовья Амударьи.

Многолетние археологические изыскания, ведущиеся Каракалпакско-Австралийской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (далее ИИАЭ) и Сиднейского университета (Австралия) с 1995 года имеют в своем активе археолого-топографическое изучение древнего Ташкырманского оазиса, изучение древней ирригации и истории земледелия, исследование древнего храма огня Ташкырман тепе, фундаментальное изучение крупнейшего в древнем Хорезме городища Казаклы яткан (Акшахан кала). Изучалась историческая топография этого уникального памятника и его военная архитектура. Установлено, что городище является самым крупным по площади городом древнего Хорезма. Исключение составляет Калалы гыр 1, который определен как резиденция ахеменидского сатрапа (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с.156). По данным инструментальной съемки, площадь города достигает 42 га. Топографически он разделён на две части: собственно город (нижний город) и, занимающий не менее ¼ площади городища, верхний или «священный» город (рис. 1, врезка). Эта часть городища имела мощную фортификационную систему, здесь, как показали проведенные археологические исследования, были сосредоточены выдающиеся общественные, и культово-погребальные сооружения, некоторые из них предварительно определены как мавзолей, храмово-дворцовый комплекс, комплекс неизвестного назначения и обширная площадь между ними, свободная от какой либо застройки (рис. 1). (Helms and Yagodin, 1997; Helms et al., 2001; Helms et al., 2002; Kidd et al., 2004)

Одной из составных частей храмово-дворцового комплекса является храмовое здание размером 60×60 м с внутренними коридорами, башнями по углам и входами

фланкированными башнями по середине всех четырёх сторон. Установлено две стадии в его развитии. Первая датируется концом III — началом II в. до н.э. Вторая стадия, представленная раскопанным комплексом, датирована в пределах конца II в. до н.э. — начала I в. н.э. Датировка основана на результатах радиоуглеродного анализа проведённого на образцах взятых с уровня конструктивного пола примыкающего к стене с росписями (образец КУ 10 04 245) и слоя под ним (образец КУ 10 04 247). Архитектура храма восходит к весьма древним прототипам архитектуры древнеземледельческой бронзы Средней Азии.

Храмовое здание (вторая стадия) по периметру окружено галереей и широкой открытой улицей. Такие признаки, как ширина пролета галереи составляющая 3,5 м., характерная для древнехорезмийской архитектуры (см., например, Кой-крылган-кала, 1967, с. 124–125) и сохранившиеся остатки свода позволяют предполагать, что галерея первоначально имела сводчатое перекрытие. С западной стороны улицы между ней и внешней крепостной стеной, находится дворцовый комплекс со сложной системой

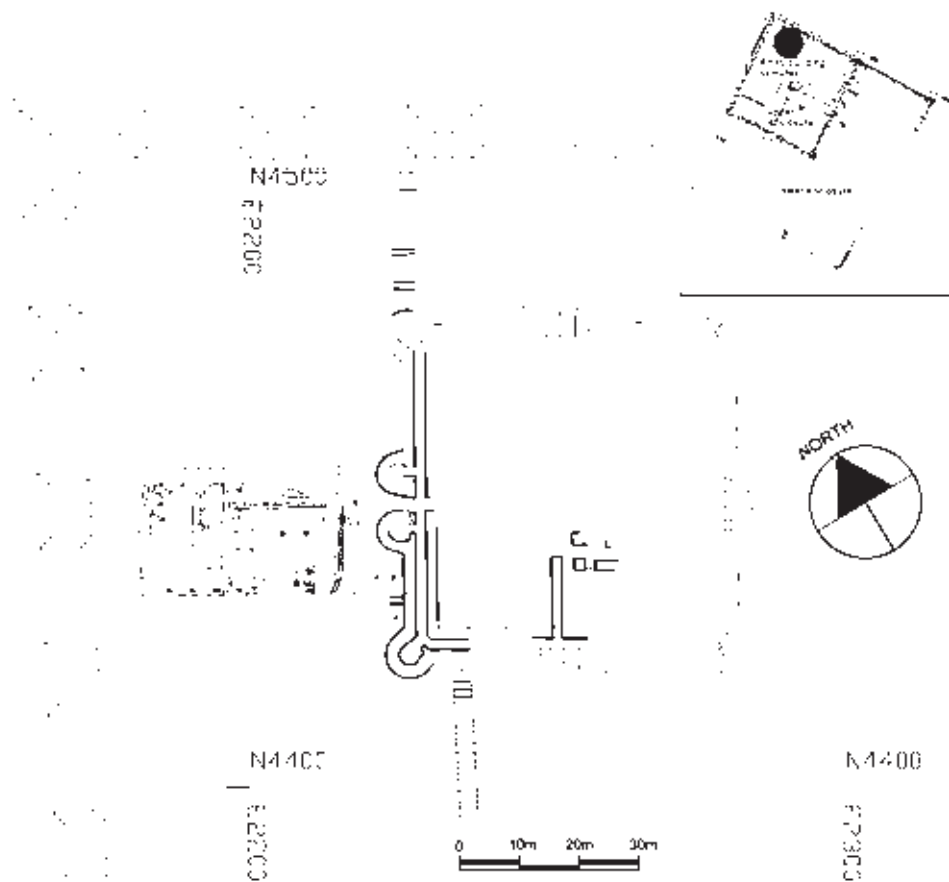

Рис. 1. Городище Казаклы-яткан (Акшахан кала). План раскопанной части дворцово-храмового комплекса. На врезке — генеральный план городища

входов и, как имеются основания предполагать, двумя большими гипостильными залами. В коридорах храмового здания, в крытой галерее, в дворцовой части комплекса обнаружены многочисленные фрагменты полихромных настенных росписей. О былой пышности архитектурного убора интерьеров внутренней части храма свидетельствуют находки фрагментов глиняной скульптуры с многоцветной росписью, алебастровых и глиняных деталей архитектурного декора. На последних, как правило, сохраняется орнаментальная многоцветная роспись по алебастровой подгрунтовке. Обнаружены также фрагменты глиняных деталей архитектурного декора обтянутые тонкой золотой фольгой.

В настоящей статье мы ограничиваемся анализом росписей из западного коридора храма. В его южной половине на восточной стене находятся остатки росписей, сюжетно объединённых сценой, в которой участвуют животные и люди, условно названной «процессия». Роспись в северной половине коридора получила условное наименование «портретная галерея».

«Процессия». На восточной стене южной половины западного коридора *in situ* сохранилась роспись, изображающая людей и животных (рис. 2). Уцелели изображения лишь нижних частей персонажей росписи. Однако можно понять, что она изображает караван или процессию людей и животных, движущихся в направлении с юга на север. Во главе каравана (крайняя с севера) находится фигура четвероногого животного. За ней следует очень плохо сохранившаяся фигура другого четвероногого животного, выполненная красной краской. Следующий персонаж — человеческая фигура, от которой сохранились лишь изображения ног. Затем снова следует изображение четвероногого животного, выполненное серо-голубой краской. Следующая фигура животного выполнена в розовых и красных тонах. И наконец, завершает процессию или караван фигура животного, выполненная черной краской. Под ногами персонажей процессии местами сохраняются расположенные горизонтально черные или розовые полосы, возможно, изображающие дорогу или особенности местности, по которой движется караван. По всем признакам, во всех случаях мы имеем изображения лошадей разных мастей. Сохранность живописи не позволяет установить, кого или что несли эти лошади: всадников или какую-то поклажу.

«Портретная галерея» Находится в северной половине западного коридора. Сырцовые стены коридора сохранились на высоту до 4,1 м. В противоположность живописи, сохранившийся на стенах *in situ* в южной половине коридора, в его северной половине фрагменты глиняно-саманной штукатурки с остатками живописи были найдены в завале над полом. Это обстоятельство позволяет предполагать, что живопись в данном случае была сбита со стен преднамеренно. Анализ всей суммы данных,

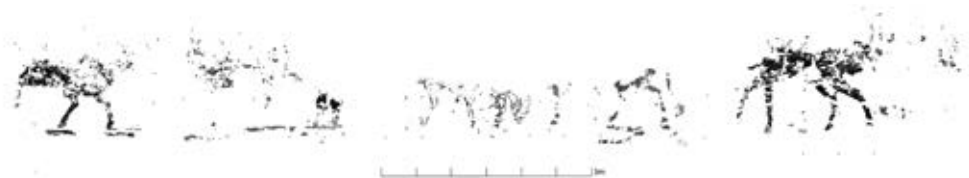

Рис. 2. Храм, южная половина западного коридора западный коридор, «процессия»

связанных с фрагментами живописи в этой части коридора позволил установить, что вся плоскость восточной стены, длиной около 53 м, была разделена двойными сплошными линиями на прямоугольные ячейки размером в среднем 60×45 см, располагавшиеся горизонтальными ярусами. Документировано наличие не менее трех таких ярусов. В каждой ячейке находился индивидуальный портрет. Произведённые расчеты показывают, что в трех ярусах могло находиться более 200 портретов.

Все портреты погрудные, в единственном случае можно предполагать портрет с изображением персонажа до пояса или даже в полный рост. Все портреты выполнены по единому канону: торс в фас, голова в профиль, ориентирована влево или вправо. Черные длинные волосы гладко зачесаны от лба назад, свободно спадают и закрывают шею. На этом уровне волосы подвиты. Уши, покрашенные в красный цвет, оставлены открытыми, в мочках ушей серьги, форма которых индивидуальна для каждого портрета. Носы прямые или с горбинкой, их форма также индивидуальна в каждом отдельном случае. Губы пухлые, ярко красные. Все персонажи галереи безбородые и безусые. Несмотря на каноническое единство всех портретов можно отметить определённую индивидуализацию каждого из них, выражающуюся в уже отмеченных отличиях, а также в различном в каждом случае рисунке и расцветки тканей на одежде. Не представляется возможным выделить признаки, которые позволили бы разделить портреты по половой принадлежности.

В настоящее время в коллекции имеется 54 фрагмента живописи, на которых сохранились следы одного или более портретов (данные предварительные, поскольку коллекция еще находится в обработке в реставрационной лаборатории). Все имеющиеся в коллекции портреты могут быть разделены на две группы: 1) персонажи в коронах, изображавшиеся в профиль влево (рис. 3, рис. 4, 1); 2) персонажи без корон, с непокрытой головой, изображавшиеся в профиль вправо или влево (рис. 4, 2). Из них 10 персонажей в коронах, 44 персонажа без корон. Если произвести подсчет из этих очень приблизительных расчетных данных, портретов с персонажами в коронах должно быть не менее 1/5 от общего количества т. е. около 20.

Находка частично сохранившихся надписей, позволяет предполагать, что по крайней мере часть портретов сопровождалась своего рода «этикеткой».

Предварительное описание фрагментов древней живописи, имеющих на данный момент, нами уже опубликовано (Kidd et al., 2004; Yagodin et al., 2009).

Предметный репертуар портретов стандартен и может быть разделен на два варианта: а) репертуар персонажей с непокрытой головой; б) репертуар персонажей с короной на голове. Объекты предметного репертуара немногочисленны: 1: *корона или диадема*, характерна только для портретов варианта б предметного репертуара; 2: *серьги* в ушах; 3: *гривны* в 6–7 оборотов с зооморфными концами, находящиеся на шеях персонажей; 4: предметы одежды: *рубаха* без ворота с низким глубоким прямым вырезом оставляющим шею открытой; *кафтан распахнутой* или *халат* без воротника и отворотов, образующий у шеи треугольный вырез и одетый поверх рубахи. Рисунок ткани и её расцветка в каждом случае разные, что может свидетельствовать о том, что на каждом портрете был изображен свой персонаж.

Короны или диадемы. Они представляют собой сомкнутый или несомкнутый обруч с высоко поднятой лицевой частью, увенчанной скульптурным, полнообъёмным изображением шеи и головы птицы. Небольшая круглая головка птицы и короткая шея

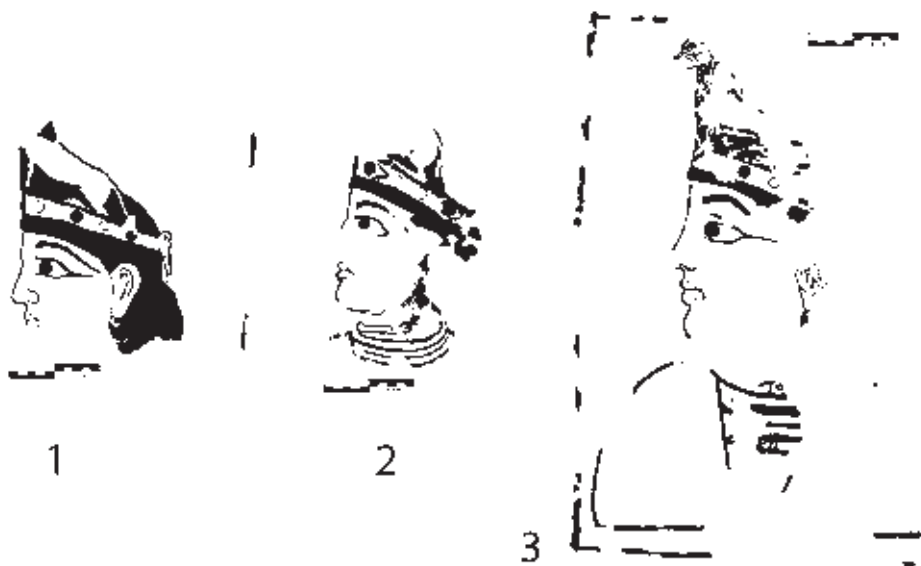

Рис. 3. Храм, западный коридор, «портретная галерея»: 1–3 — персонажи в коронах второго варианта

Рис. 4. Храм, западный коридор, «портретная галерея»: 1: персонаж в короне первого варианта; 2: персонаж без короны

тщательно прорисованы, четко выписано густое и плотное оперение и небольшой прямой клюв подтреугольной формы. Похоже, что древний художник стремился передать признаки совершенно определённой, хорошо ему знакомой, породы птиц. Перечисленные выше признаки позволяют предполагать, что изображалась птица из семейства голубиных (Жизнь животных, 1986, с. 270–275). Вместе с тем, глазу птицы приданы человеческие черты, он изображен так же, как изображены глаза на человеческих лицах, представленных на портретах, над глазом прорисована дугообразно изогнутая бровь.

Боковые, дугообразно понижающиеся, части диадемы расположены чуть ниже уровня головы и шеи и, возможно, изображают распахнутые крылья.

По имеющемуся материалу изображения корон могут быть разделены на два варианта:

Корона первого варианта представляет простейшую разновидность корон этого типа. Она представляет собой круглый обруч, плотно облегающий голову. К лицевой части обруч расширяется и в его наиболее высокой части помещена протома птицы (рис. 4, 1).

Короны второго варианта представляют более усложнённую разновидность первого варианта. Низ короны этого варианта перехвачен широкой матерчатой или кожаной лентой с крупными красными кругами, возможно изображающими плоды граната, известного символа плодородия и одного из атрибутов богини-матери. Изображения красных кругов чередуются с красными кольцами такого же размера, которые, возможно, играют роль солнечных символов, олицетворяющих плодородие и также являющиеся одним из атрибутов великой богини-матери. Сзади, на затылке лента завязана узлом, петля которого отходят вверх, снизу на шею от узла свободно свисают два длинных конца ленты. Лицевая сторона короны окрашена в ярко красный цвет. На боковых плоскостях (крыльях) силуэтное изображение фигуры крупного кошачьего хищника с прямыми передними лапами и подогнутыми под живот задними. Хвост прямой, длинный, опущен вниз. Поза, в которой изображено животное, видимо определялась формой короны, резко уменьшающейся от высокой передней части к затылочному концу, где высота короны не позволяла разместить изображение кошачьего во весь рост. Верхняя часть корон этого типа увенчана такой же протомой птицы, как и на коронах первого варианта (рис. 3, 1, 2, 3).

Ленты, опоясывающие короны второго варианта по низу, незначительно различаются введением отдельных дополнительных элементов, как, например, введением в ряд красных кругов и колец, изображений красных углов (рис. 3, 2).

Сравнение корон описанного типа с уже известными нам коронами царей Хорезма позволяют заключить, что короны, которые изображались на головах персонажей портретной галереи, представляют совершенно новый, ранее неизвестный, тип хорезмийских царских венцов.

Короны хорезмийских царей известны нам, главным образом, по изображениям на лицевой стороне хорезмийских монет, чеканка которых, как известно, начинается не ранее последней четверти II — начала I в. до н.э. (Вайнберг, 1977, с. 49–50). Среди них отмечаются и зооморфные короны. Изображение птицы с распахнутыми крыльями имеется на боковой плоскости царского кулаха на монетах типа АП, по классификации Б.И. Вайнберг, чеканившихся в пределах I в. до н.э. (Вайнберг, 1977, с. 50). Б.И. Вайнберг полагает, что в данном случае изображена

хищная птица, однако нечеткость изображения на монете позволяет усомниться в правильности подобного определения. Если допустить, что в данном случае изображена не хищная птица, сходство этого образа на портретах и на монетах АП становится очевидным.

Скульптурное изображение птицы, возможно, голубя имеется на одном из оссуариев, датированных II–IV вв. н.э. с городища Калалы гыр 1 (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 152). Орлиноголовая «корона Вазамара» изображается на монетах этого правителя и в скульптуре Топрак-калы (Толстов, 1948, с. 186, рис. 60, 60а), где она является символом царского фарна (Вайнберг, 1977, с. 48).

В связи с анализом изображения протомы птицы на коронах представляет интерес барельефная композиция на сосуде III–IV вв. н.э. из городища Куня-Уаз. В центре композиции мать с ребёнком, над которым простерли руки две богини, головные уборы которых завершаются *птичьими головами* Ю.А. Рапопорт полагает, что подобные же образы, в иконографии осирического круга ассоциирующиеся с богинями-птицами, переданы в скульптурной композиции ложи II зала царей высокого дворца Топрак-калы. По мнению исследователя представляется возможным, что в хорезмийской мифологии с Осирисом мог ассоциироваться Сиявуш, которого Беруни вместе с Кей-Хосровом считает основателями древнейшей династии царей Хорезма (Топрак-кала, 1984, с. 133).

Птица является одним из элементов в изображениях полиморфных фантастических существ, приоткрывающих сложный мир древней мифологии. Такое полиморфное существо изображено на фляге из нижнего горизонта (IV–III вв. до н.э.) Кой-крылган-калы (Кой-крылган-кала, 1967, с. 205, рис. 78; табл. XXXII, 1).

Отдалённой по времени репликой древнехорезмийским коронам описанного типа, в котором стилизация стерла первоначальные весьма древние образы, зашифровав их в хитросплетениях орнамента, может служить налобное украшение «тилла-кош» известное в этнографии узбеков и таджиков, для которого характерна «...сложная многофигурная геральдическая композиция, включающая антропоморфные, зооморфные, растительные и астральные мотивы...» в которых угадываются «...силуэтные фигуры хищников кошачьей породы, барсы или тигры, которые предостоят перед центральной фигурой» (Фахретдинова, 1988, с. 99).

Для нашего анализа, однако, следует выделить только те случаи, когда изображаются птицы, которые могут принадлежать к семейству голубиных.

Исследователи, анализировавшие семантику подобных изображений сходятся во мнении, что голубь — птица, посвященная Анахите, постоянно сопровождавшая её изображения и являвшаяся зооморфным прообразом великой богини зороастрийского пантеона (Ringbom, 1957, S. 11, 17, 20; Тревер, 1959, с. 322; Рапопорт, 1962, с. 50 и сл.; Кой-крылган-кала, 1967, с. 243–244).

Гривна. На шее всех персонажей портретной галереи имеется гривна в 6–8 оборотов с зооморфным завершением концов (рис. 3, 1, 2). Гривны в виде спирали с зооморфными концами, изготовленные из золота или бронзы обтянутой золотой фольгой, различные по устройству: проволочные, трубчатые с шарнирным или втулочным соединением известны в евразийских сако-савромато-сарматских курганных комплексах. (См., например, С.И. Руденко, 1962, с. 16–19, табл. IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVII; Артамонов, 1973, с. 168–188 Акишев, 1978, с. 30). На анализируемых портретах

витки гривны часто представлены двойной линией, это обстоятельство позволяет предположить, что здесь могли изображаться трубчатые гривны.

Многовитковые гривны известны и по изображениям в памятниках искусства. В Хорезме изображение гривны в три витка имеется на гравированном изображении на роге оленя, найденном на городище Калалы-гыр 2. На шее одного из персонажей видны полосы «...какого то украшения типа гривны» (Калалы-гыр 2, с. 186–187, рис 5/24). Характер оформления концов неясен. Дата IV–II вв. до н.э. Гривны имеются на терракотах, происходящих из нижнего горизонта культурных наслоений Кой-крылган-калы, изображающих мужские персонажи и датированных IV–III вв. до н.э. (Кой-крылган-кала, 1967, с. 67, табл. XXV, 8; с. 103, табл. XXVIII, 30). Во всех случаях это гривны в 1 оборот, характер оформления концов неясен.

Такие гривны изображались на некоторых образцах монументальной скульптуры Устюрта, например, на изваянии с кургана Конай (Ольховский, 2005, илл. 33), где изображена гривна в 4 оборота. Нашейные многовитковые гривны — деталь, характерная для монетного чекана Парфии последней трети II в. до н.э. — начала I в. н.э. (Sellwood, 1980), где они, вероятно, играли роль одного из символов власти.

В кочевой среде многовитковые гривны с зооморфными концами входят в употребление гораздо раньше чем, они начинают использоваться в оседло-земледельческих цивилизациях. В качестве примера можно привести многовитковые гривны, известные в савроматской культуре с V в. до н.э. (Смирнов, 1964, с.143–145).

Во всех случаях гривны использовались не как рядовые украшения. Обычно они изготовлялись из золота и их находят не в рядовых, а в так наз. элитных курганах. К.Ф. Смирнов полагал, что «гривны у ираноязычных народов были украшением и знаком отличия (выделено мною. — Я.В.) у знатных мужчин» (Смирнов, 1964, с. 143), а В.С. Ольховский полагал возможное использование шейных гривен в качестве символа власти (Ольховский, 2005, с. 150). Анализ всей совокупности евразийских гривен демонстрирует большое разнообразие количества витков или оборотов на них. Причем отмечено, что гривны с наибольшим количеством оборотов обычно связаны с персонажами высокого социального ранга как, например, на монете парфянского царя Митридата II (123–87 гг. до н.э.) гривны имели не менее 6 витков (Sellwood, 1981, p. 73). На рассматриваемых портретах хорезмийских царей и членов царствующего дома изображались многовитковые гривны в 6–8 оборотов. Это дает основание полагать, что многовитковая гривна, выполненная из драгоценного металла, с зооморфными концами могла быть одним из символов власти, в котором количество витков имело значение.

Серьги. В мочках ушей иногда различимы серьги, прорисованные тонкой красной линией. Типологически этот вид украшений весьма разнообразен. Видимо, на портретах изображались серьги различных форм. Несмотря на плохую сохранность изображений этих предметов и часто нечеткую их прорисовку, в массе изображений можно различить серьги двух типов. Первый представляет большое кольцо, на котором различимы три длинные различные по форме подвески: одна в виде вытянутого овала, внизу соединённого с кругом, две другие плохо различимы. Подвески разделены вертикальной черной линией. Второй представлен большим кольцом, продетым в мочку уха с подвеской в виде длинной ножки с небольшим колечком на конце.

Значительный интерес представляет *поза*, в которой изображались персонажи портретов. Она аналогична представленной на монетах древнего Хорезма, на аверсе которых изображался официальный царский портрет, существовавший в неизменном виде на протяжении тысячелетия. Этот портрет появляется впервые в ещё не совсем сложившемся виде на монетах типа АП по существующей классификации (Вайнберг 1977, с. 50). Он представляет собой погрудный портрет безбородого царя в короне, на боку которой изображение птицы с распахнутыми крыльями. Голова изображена в профиль, торс в фас. Различима одежда: рубаха без ворота, отделанная по краю и на груди крупными круглыми бляхами или бусинами; поверх неё одет кафтан без отворотов. Чеканилась эти монеты в пределах I в. до н.э. (Вайнберг, 1977, с. 50).

Подобная («древневосточная») манера изображения правителя известна не только на монетах древнего Хорезма. Она отмечена на монетах царей Парса с I в. до н.э. (Morgan, 1923–1926, p. 282); на монетах индо-парфянских правителей начиная с I в. н.э. (Whitehead, 1914, p. 94; Morgan, 1923–1926, p. 381–383; Массон, Ромодин, 1964, с. 147 и сл.); на монетах кушан (Зеймаль, 1967, с. 57 и сл.); на монетах Сасанидов (Göbl, 1962, 1967; Луконин, 1969, табл. 1 и сл.); на эфталитских монетах (Göbl, 1967, n. 4).

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Процессия и портретная галерея для своего обозрения требуют значительного пространства и удаления. Однако и процессия, и галерея расположены в узком коридоре, не позволяющим отойти от живописи на необходимое для её осмотра расстояние. Кроме того, в коридорах вероятно царил полумрак, поскольку они освещались только через узкие проемы в виде редко расположенных стреловидных бойниц в основании свода. Все это позволяет говорить о том, что живопись в коридорах была сакрализована, она не была доступна для широкого обозрения и предназначалась скорее для ритуалов и церемоний связанных, вероятно, с какими то аспектами династийного и царского культа, в которых могли участвовать лишь немногие избранные.

Портретная галерея была сформирована из портретов трех групп. В первой персонажи имеют атрибуты царской власти в виде корон и высокого социального статуса в виде многовитковой гривны. Видимо, с одним из таких портретов связана отмеченная выше «этикетка», в которой содержится идеограмма *MLK* '«царь»'. Вторая группа портретов аналогична первой, однако без корон на головах. И, наконец, среди общей массы стандартных портретов, необходимо выделить единственный портрет поясной или даже в полный рост.

Меньшая часть портретов изображала царей (персонажи в коронах), большая часть других членов династии (персонажи без корон на голове, но с многовитковыми гривнами на шее) со времени основания династии и до её гибели (портреты преднамеренно сбиты со стен) в конце II — начале I в. до н.э.

Как уже отмечалось, в единственном случае мы имеем портрет поясной или даже в полный рост. Логично предположить, что этот персонаж имеет особый статус среди членов династии, возможно является основателем династии. Если мы рассматриваем портретную галерею Акшахан-калы как галерею царей Хорезма, то, может быть, это изображение Сиявуша, которого Беруни называет основателем династии хорезмийских царей.

Прямой аналогией «портретной галереи» Акшахан калы является так называемый «зал царей» высокого дворца Топрак калы, который, по мнению С.П. Толстова,

являлся своеобразной портретной галереей династии хорезмийских сиявушидов, охватывающей правителей III в., где находились скульптурные изображения царей и окружающие их фигуры членов царских семей и богов-покровителей (Толстов, 1948, с. 186; Топрак-кала, 1984, с. 116 и сл).

Важной для рассматриваемой темы является находка двух фрагментарно сохранившихся надписей, обнаруженных вместе с портретами. Прочтение и толкование надписей В.А. Лившицем настолько значимы, что я позволю себе привести их полностью.

«...надписи действительно содержали, как Вы и предполагали, имена и титулы хорезмийских царей, причем тех, которых ещё нет на хорезмийских монетах I и последующих столетий... В надписи №1 удастся прочесть: (начало обломано) *Jgrd BR* (идеограмма для хорезм. *puhr* “сын”) *yḥš*. Далее текст выше уровня строки: *[M]LK(’)* Этот фрагментированный текст является, несомненно, подписью, “этикеткой” под портретом царя: *J* гард, сын Ехича (? или Ихича?)...(MLK’ — идеограмма для хорезмийского *xšāh* или *xšēd*, *xšēh* “царь”).

В надписи №2... читается лишь: *[Jnk MLK(’)]* “[NN, сын...] āнака царя”»¹.

Что касается «процессии», то уровень сохранности крайне ограничивает наши возможности её интерпретации. Однако, учитывая определение портретов как царской галереи, в которой выделен один персонаж, можно предположить, что она могла изображать какой то важный в истории династии эпизод, возможно сцену прибытия в страну её основателя.

Изложенное выше позволяет сделать весьма важный вывод: портретная галерея могла принадлежать ранее неизвестной древнейшей династии хорезмийских царей, правившей до конца II — начала I в. до н.э., которую сменила династия, начавшая чеканить монету в I в. до н.э.

Ранние этапы истории Хорезма, как впрочем и всей Средней Азии, не нашли сколько-нибудь полного отражения в письменных источниках. В эпической традиции (мифологии) время воцарения древних царей Хорезма относится к весьма отдаленным временам. Основываясь на исторических преданиях, бытовавших в среде населения современного ему Хорезма, выдающийся ученый средневековья, хорезмиец по происхождению, ал-Беруни, приводит сведения о заселении страны и основании династии правителей Хорезма за 980 лет до Александра Македонского (около 1292 г. до н.э.). Он сообщает о прибытии сюда «Сиявуша сына Кейкауса и воцарении там Кейхосрау и его потомков». (Беруни, 1957, с. 47). Акад. В.В. Бартольд, обращавшийся к анализу этого текста, полагал, что сведения, содержащиеся в нем, носят чисто легендарный характер (Бартольд, 1965, с. 545). Однако, позже С.П. Толстов, располагавший помимо письменных источников, обширным археологическим материалом, вполне обоснованно предположил, что в данном случае сохраняются отголоски действительно имевших место передвижных древнеиранских племен эпохи бронзы в древнюю дельту Амударьи (Толстов, 1957, с. XVIII–XIX)². Согласно хронологии Беруни, эти события относятся к VIII–VII вв. до н.э. (Беруни, 1957, с. 109 и сл).

Чрезвычайно интересные, с точки зрения проблемы первоначального заселения и основания первой династии царей Хорезма, данные исторического фольклора

¹ Из письма В.А. Лившица автору от 2 марта 2009 года.

² Речь скорее должна идти о передвижениях эпохи раннего железного века.

приводит Л.С. Толстова. В легендах средневековых хорезмийцев, узбеков Южного Хорезма, зеравшанских узбеков-митанов, каракалпаков-мойтенов, происхождение хорезмийцев связывается с приходом в Хорезм изгнанников с юга, из районов Балха и Бадахшана. В некоторых вариантах легенд называется имя «царя Кияни». Безусловно, что в данном случае речь идет о древней полулегендарной династии Каянидов, правивших в Бактрии в соответствии с древнеиранской эпической традицией (Авеста, Шахнаме). Из рода Каянидов происходит основатель первой хорезмийской династии Сиявуш, в соответствии с легендой, приводимой Беруни и восходящей к древним мотивам Авесты (Толстова, 1977, с. 144 и сл.). В литературе уже неоднократно отмечалось, что за полулегендарными Каянидами Авесты стоят реальные правители Бактрии. Приведенные факты делают достаточно обоснованным предположение о продвижении в Южный Хорезм части древнего земледельческого населения из Бактрии, принесшего с собой традиции ремесленного гончарного производства, глинобитного и сырцового домостроительства, положивших начало процессу урбанизации и основавших династию Сиявушидов — первую династию древнехорезмийских царей. Может быть, портретная галерея Акшахан-калы и является портретной галереей хорезмийских царей этой династии.

В контексте изучения проблемы формирования ранней государственности Хорезма и, соответственно, изучения вопроса о династиях правителей древнехорезмийского государства, важное значение имеют бактрийские материалы. Для периода перехода от эпохи бронзы к раннему железу в Северной Бактрии отмечается сокращение площадей оседлых поселений. Исследователи связывают это явление с миграцией отдельных групп земледельческого населения с территории Северной Бактрии на неосвоенные ранее земли в районе среднего течения Амударьи (Сагдуллаев, 1989а, с.37; 1989б, с. 60, рис. 6). Новейшие археологические изыскания позволили проследить их последующее продвижение на территорию нижней Амударьи и отнести эти события к концу VII — первой половине VI в. до н.э. (Болелов, 1999, с. 90).

Археологически миграцию населения из Северной Бактрии документируют материалы раскопок *Кош-калы-1* в среднем течении Амударьи (Пилипко 1975, с. 527–528) и *Хумбуз тепе* в Хорезмском оазисе (Болелов, 1999). Нижний слой Кош-калы-1 датирован VI–V вв. до н.э. на основании находок хорезмийской керамики на полах внутрискладовых коридоров. Нижний слой Хумбуз-тепе (ХТ-1а, по Болелову) датирован доахеменидским временем — первой половиной VI в. до н.э. и представлен остатками древнего производства, достаточно определенно свидетельствующими о том, что это было поселение ремесленников — гончаров. Здесь были обнаружены комплексы гончарной керамики типа Яз-П. Известно, что в самой Бактрии позднебактрийские керамические комплексы находятся в генетической связи с керамикой эпохи поздней бронзы (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 79–80). В то же время в Хорезме подобная связь отсутствует (Вайнберг, 1991, с. 94). Все это делает достаточно фундаментальным предположение, что в Хорезм эти комплексы были привнесены со стороны.

С приходом этих племен связано появление и распространение гончарного круга, традиций глинобитного и сырцового домостроительства и использование крупноформатного кирпича-сырца, дальнейшее развитие орошаемого земледелия, зародившегося здесь еще в эпоху бронзы. Получает развитие торговля. По мнению некоторых

ученых, в первой половине I тыс. до н.э. формируется торговый путь, шедший по левому берегу р. Амударьи из южных областей Средней Азии в низовья Амударьи.

В VII в. потомки племен эпохи поздней бронзы (амирабадская культура) продолжали жить на территории Правобережного Хорезма. В VI–V вв. до н.э. на той же территории распространяются комплексы так называемой архаической или Кюзелигырской культуры, генетическая связь которой со среднеазиатскими бактрийско-маргианскими комплексами не вызывает сомнения (Толстов, 1962, с. 96 и сл.; Вайнберг, 1991, с. 94–95). Вместе с тем, у нас нет оснований объяснять ее появление только переселением в низовья Амударьи населения с юга, здесь имели место и процессы культурной интеграции, возможно, происходившие в эпоху ахеменидского завоевания (ср. Пьянков, 1983).

В контексте рассматриваемого вопроса значительный интерес представляет городище *Хазарасп* — крупнейший древний город на востоке Левобережного Хорезма. Археологические исследования, проведенные здесь в 1958–1960 гг., позволили выявить культурные слои рубежа V–IV вв. до н.э. (Воробьева и др., 1963, с. 198). Вопрос о наличии более древних слоев остался открытым, поскольку уровень грунтовых вод того периода не позволил надежно документировать наличие или отсутствие слоев более раннего времени (Воробьева и др., 1963, с. 159). В процессе новейших археологических изысканий, проведенных в пределах древнего Хазараспа, исследователям, насколько об этом можно судить по предварительному сообщению, удалось документировать наличие в свите слоев Хазараспа культурного слоя, датируемого ранее чем рубеж V–IV вв. до н.э. (Баратов, Матрасулов, 2003, с. 44).

Значительный интерес представляет факт преднамеренного уничтожения портретной галереи, происходящего в конце II — первой половины I вв. до н.э. Это время крушения Греко-Бактрии, после которого в странах Средней Азии наступает своего рода «смутный период». Сюда проникают многочисленные кочевые племена. Вожди этих племен становятся владельцами земледельческих оазисов и продолжают политические традиции греко-бактрийских и греко-индийских правителей (Массон, Ромодин, 1964, с. 131). Аналогичная ситуация складывается и в Хорезме. Многочисленные факты свидетельствуют о происходящих в этот период разгромах пограничных крепостей и городов (Кой-крылган-кала, 1967, с. 310; Мамбетуллаев, 1990, с. 126). С этими же событиями, вероятно, связана закладка кирпичом древнего храма огня на Ташкырман-тепе. Общей участи не избежала и древняя Акшахан-кала. Для периода второй половины II — первой половины I в. до н.э. здесь фиксируются следы разгрома (или разгромов), археологически регистрируемые в виде многочисленных проломов в крепостных стенах и следов больших пожаров (Helms et al., 2001, p. 128, 139). В этот же период со стен западного коридора преднамеренно сбиваются объекты портретной галереи. К власти приходит новая династия, имеющая, по Б.И. Вайнберг, юэчжийское происхождение (Вайнберг, 1977, с. 13).

Литература

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1972.
 Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
 Аскаров А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучук-тепа. Ташкент, 1979.
 Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в Южном Хорезме // АИУ. Ташкент, 2003, с. 38–45.
 Бартольд В.В. Хорезм // Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М., 1965.

- Абурейхан Бируни. Избранные произведения.* Т. I. Ташкент, 1957.
- Болелов С.Б.* Некоторые итоги археологических работ на Хумбуз-тепа // ОНУ. 1999. № 9–10, с. 85–89.
- Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
- Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80 гг. // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековые). Вып. I. М., 1991, с. 5–109.
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. I. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963, с. 157–204.
- Жизнь животных.* В семи томах. Том шестой. Птицы. М., 1986.
- Зеймаль Е.В.* Монеты Великих Кушан в собрании Государственного Эрмитажа // ТГЭ. 1967. IX, с. 49–65.
- Калалы-гыр Калалы -гыр 2.* Культовый центр в древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М., 2004.
- Кой-крылган Кой-крылган-кала* — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. (ТХЭ. 1967. V).
- Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. I. М., 1964.
- Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Пилипко В.Н.* Раскопки в Денаусском районе Чарджоусской области // Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 527–528.
- Пьянков И.В.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983.
- Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963, с. 141–156.
- Сагдуллаев А.С.* Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и средневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989а, с. 29–43.
- Сагдуллаев А.С.* Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА. 1989б. № 2, с. 49–66.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1962.
- Мамбетуллаев М.* Городище Большая Айбууйр-кала (раскопки 1976–1977 и 1981 гг.) // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент, 1990, с. 91–132.
- Рапопорт Ю.А.* Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. 1962. № 2, с. 50–60.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I // Археология СССР. Свод археологических источников. ДЗ–9. М.–Л., 1962.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.
- Толстов С.П.* Бируни и его «памятники минувших поколений» // Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957, с. VII–XXI.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстова Л.С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнических связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 141–165.
- Топрак-кала.* Топрак-кала. Дворец (ТХЭ. XIV). М., 1984.
- Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.–Л., 1959.
- Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.
- Göbl R.* Die Münzen der Sassaniden. S'Gravenhage, 1962.
- Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967.

Helms S.W., Yagodin V.N. Excavations at Kazakl'i-yatkan at the Tash-k'irman Oasis of Ancient Chorasmia: a Preliminary Report // Iran. 1997. Vol. 35, p.43–65.

Helms S.W., Yagodin V.N., A.V.G. Betts, Khozhaniyazov G., and Kidd F. Five Seasons of Excavations in the Tash'kirman Oasis of Ancient Chorasmia 1996–2000: an Interim Report // Iran. 2001. Vol. 39, p. 119–144.

Helms S.W., Yagodin V.N., A.V.G. Betts, Khozhaniyazov G., Negus M. The Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. The Northern Frontier of the “Civilised” Ancient World // Ancient Near Eastern Studies. 2002. Vol. 39, p. 3–44.

Kidd F., Negus-Cleary M., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Brite E.B. Ancient Chorasmian Mural Art // BAI. 2004. N.S. Vol. 18, p. 69–94.

Kidd F. Complex Connections: Figurative Art from Achahan-kala and the Problematic Question of Relations between Khorezm and Parthia // TOIIOI. Orient — Occident. 2011. Vol. 17/2, p. 229–276.

Morgan J. de. Manuel de numismatique orientale. Paris, 1923–1926.

Ringbom L.-I. Zur Ikonographie der Götter Ardvī Sura Anahita (Acta Academiae Aboensis humaniora. XXIII, 2). Åbo, 1957.

Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. Second Edition. London, 1980.

Whitehead R.B. Catalogue of Coins in the Punjab Museum. Vol. I. Indo-Greek Coins. Lahore — Oxford, 1914.

Yagodin V.N., Betts A.V.G., Kidd F., Brite E.B., Khozhaniyazov G., Amirov S., Yagodin V.V., Fray G. Karakalpak-Australian Excavations in ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait Gallery” // JIAAA. 2009. 4, p. 7–41.

Summary

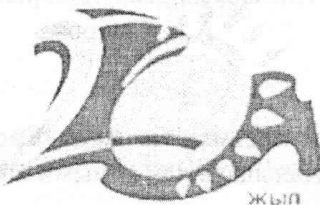
The article analyzes the murals of the temple construction inside the Kazakly yatkan settlement (Achahan kala). It is stated that the painting dates between late II and first half of I cc BC. The assumption of that the part of the analyzed painting is a “portrait gallery” of previously unknown royal dynasty that ruled before the own coin mintage by the rulers of ancient Chorasmia is substantiated. The questions of a possible relation of the origin of this dynasty due to the migration of people from ancient Bactria to the lower reaches of the Amudarya river are reviewed.

АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ӘКІМДІГІ

Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

Қ. ЖҰБАНОВ АТЫНДАҒЫ АҚТӨБЕ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАҚСТАН
тәуелсіздігіне

**«ЕУРАЗИЯ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ АЯСЫНДАҒЫ
АРАЛ-КАСПИЙ АЙМАҒЫ»**

Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған

II Халықаралық ғылыми конференция материалдары

(Ақтөбе қ., 14–18 қыркүйек 2011 ж.)

**«АРАЛО-КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЕВРАЗИИ»**

Материалы II Международной научной конференции, посвященной

20-летию независимости Республики Казахстан

(г. Актобе, 14–18 сентября 2011 г.)

**«ARAL-CASPIAN REGION
IN THE HISTORY AND CULTURE OF EURASIA»**

II-d International

to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan

(Aktobe, September 14–18, 2011)

Ягодин В.Н.

*Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения
АН РУз, Нукус*

Этногеография сакских племен Центральной Азии до настоящего времени является предметом острых дискуссий. Длительное время для разработки этой проблемы ограниченные древнеперсидские и античные письменные источники оставались единственными источниками сведений, на которые опирались исследователи, занимавшиеся этой проблемой. Эти источники, сообщая о древних номадах, зачастую оказываются недостаточными для их локализации и, тем более, для описания их культуры и обычаев.

В древнеперсидских текстах (Бехистунская надпись, Накширустемская надпись) отмечен целый ряд этнонимов сакских племён: Saka, Sakâ tigrāhaudâ, Sakâ haumavargâ, Sakâ tyaiy paradrāya, Saka tyaiy para sugdam [1] В 1849 г. Роулинсон опубликовал расшифровку и исследование Бехистунской надписи [2]. С тех пор предпринимались многочисленные попытки этногеографического анализа данных древнеперсидских источников.

Суммируя данные древнеперсидских источников и проведенных к настоящему времени исследований этих текстов, мы можем связывать саков-тиграхауда древнеперсидских текстов с обширными территориями, лежащими между Аральским и Каспийским морями. По Бехистунскому тексту (столбец V) саки-тиграхауда размещались «за морем». С. Конов предположил, что саки-тиграхауда и «заморские саки» тождественны и высказал довольно противоречивое мнение об их локализации «к востоку от Согдианы, к востоку от Каспийского моря и в стране вдоль Яксарта» [3, с. XIX]. Знак равенства между «заморскими саками» и саками-тиграхауда ставил и В.В. Струве [4, с. 242–244]. Обстоятельный анализ источников, проведенный Б.А. Литвинским, позволил ему сделать заключение о том, что территория расселения саков-тиграхауда связана с западом Средней Азии [5, с. 172]

В древнегреческих источниках сообщается, в числе прочих древних племён, о саках или скифах – ортокорибантиях (острошапочных) или массагетах. Геродот пишет о том, что «...на востоке, по направлению к восходу солнца», к нему [Каспийскому морю – Я.В.], ...примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают ... массагеты». [6, I., 204]. Вне всякого сомнения, в данном случае, что Геродот имеет в виду огромные территории, лежащие между Аральским и Каспийским морями: Восточный Прикаспий, в том числе Мангышлак и Устюрт.

По Страбону «Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они, в общей массе, кочевники» [7, XI, VII, 2]. В данном случае, необходимо обратить внимание, что кочевники противостоявшие Киру Великому у Геродота и Страбона выступают под именем массагетов, а у Ктесия – эти же племена названы дербиками [8, с. 91].

А. Херрманн впервые сопоставил сведения древнеперсидских и греческих источников и пришел к заключению, что саки-тиграхауда и массагеты — это разные названия одних и тех же племён [9, столб. 2125]. По его замечанию саки-тиграхауда — массагеты были объединены в обширную конфедерацию, объединявшую различные племена, в число которых входили и дербики [10, с. 46].

Существенно расширить скудную информацию письменных источников об аралокаспийских массагетах может позволить только археология. Однако, до 2-й половины XX в. территория Арало-Каспия оставалась в археологическом отношении огромным «белым пятном». Впервые попытку связать с массагетами определенный тип археологических памятников предпринял А.М. Мандельштам. В 1962 г. он исследовал могильники Гёкдаг II и Джанак II у восточного побережья Карабугаза и описал погребальные сооружения в виде округлой каменной ограды с многократными погребениями на уровне древнего горизонта внутри [11, с. 21–26]. С начала 70-гг. прошлого века обширную программу археологических изысканий на Устюрте проводил Отдел археологии Каракалпакского филиала (ныне Отделение) Академии наук узбекистана, одним из результатов которых явилось открытие и исследование многочисленных погребальных сооружений, впервые описанных А.М. Мандельштамом [см.: 12; 13, с. 38; сл.; сл.; 14, с. 110; сл.; 15]. Затем такого же рода погребальные сооружения были открыты и исследованы Х. Юсуповым на Узбое [16, с. 36 сл.].

На современном уровне археологической изученности погребения Арало-Каспия на уровне горизонта по форме наземного погребального сооружения могут быть разделены на два типа:

1. *Каменный ящик* — сооружался на уровне древнего горизонта из вертикально установленных необработанных каменных плит. Форма в плане обычно прямоугольная реже «грубо овальная». Размеры ящиков по осям 2,0–3,0 х 1,3–2,3 м. Длинной осью ящики обычно ориентированы по меридиану с небольшим отклонением к востоку до 20° и к западу до 18°. Только в одном случае отмечена широтная ориентировка с отклонением к югу до 20°. Каменный ящик перекрывался или закладывался крупными каменными плитами, представляя собой глухой, не имеющий входа склеп. Вокруг, на уровне, горизонта, ящик имел обкладку из каменных плит, сверху перекрывался грунтово-каменной насыпью диаметром от 5 до 10 м, высотой 0,8–1,2 м.

2. *Круглая или овальная в плане ограда* из необработанных каменных плит, перекрытая грунтово-каменной насыпью или ложным сводом. В последнем случае она приобретала форму склепа со входом-лазом, расположенным выше уровня горизонта. Диаметр погребальной камеры колеблется от 1,5 до 6,0 м.

Погребение. Погребения, как правило последовательные, многократные, совершенные по обряду ингумации. Лишь в одном случае отмечен обряд кремации. В «кургане» № 1, группы VI могильника Казыбаба 1, представлявшим собой по сути дела уже мавзоль с круглой внутренней камерой диаметром 6 м и узким коридорообразным входом с юго-востока. Вдоль стен камеры, на полу, на уровне горизонта сохранились остатки многократных (не менее пяти), последовательных сожжений. Несмотря на то, что практически все погребения с ингумацией были нарушены грабителями, часть костей, сохранившаяся *in situ*, позволяет заключить, что погребенные находились в вытянутом положении, на спине, головой ориентировались на юг с отклонением, в основном к востоку, до 20°. В наиболее поздних погребениях отмечена западная ориентировка.

Погребальный инвентарь. Вследствие тотального ограбления курганов первоначальный состав и место расположения инвентаря остаются не установленными. В целом предметы погребального инвентаря находят полные аналогии в материалах культуры савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья V–IV вв. до н. э. и отчасти, в материалах Хорезма V–III вв. до н.э.

Станковая керамика представлена в основном сосудами хорезмийского производства, датирующимися в пределах V–III вв. до н. э. В меньшем количестве представлены станковые сосуды, вероятно происходящими из Парфии. Среди лепной керамики необходимо отметить формы, по ряду признаков находящие соответствие в раннесарматской, прохоровской керамикой Южного Приуралья [17, с. 25] и даже в гороховской культуре лесостепного Зауралья [18, с. 36, рис. 11, 6–7]. Довольно многочисленны предметы причерноморского импорта. Многочисленными находками представлены бронзовые наконечники стрел, обломки железных мечей, колчаные крючки, ножи, отдельные предметы конской упряжи.

Группировка погребальных сооружений. Отмечено несколько вариантов расположения погребений. Они могут быть одиночными или находиться в составе могильников с другими типами погребений. На Восточном чинке Устюрта они группируются в относительно большие могильники, такие, например, как Дуана и Кулмагамбет.

Хронология. По инвентарю погребения на горизонте датируются в пределах V–II или конца VI–II вв. до н.э. Однако в этих широких хронологических рамках могут быть выделены подтипы погребений с более узкими датировками.

Ареал. Современный уровень археологической изученности Арало-Каспия позволяет довольно определенно очертить ареал наземных погребальных сооружений с многократными погребениями на горизонте. Он охватывает практически всю территорию Арало-Каспия и простирается от Восточного и Юго-Восточного чинков Устюрта на востоке до Каспийского моря на западе и от широты Больших Балхан и сухого русла Узоя на юге до широты низовьев реки Эмбы на севере. В пределах этого обширного ареала представляется возможным выделить ряд территориальных групп.

Генезис. Несмотря на довольно широкий территориальный охват археологических обследований Арало-Каспия археологических объектов VII – 1-й половины VI вв. до н.э. на этой территории обнаружено не было. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что первоначальная территория обитания массагетов не была связана с Арало-Каспием. Возможно правы те исследователи, которые связывают с массагетами некоторые ранние памятники культуры Южного Урала, представленные трупосожжениями на древнем горизонте и погребениями на древнем горизонте без следов горения [19, с. 4]. Курганы этого времени, среди которых имеются и курганы с погребениями на горизонте, известны на прилегающей территории Присарыкамьшской дельты Амударьи.

«Арало-каспийская» культура. Приведенный перечень археологических объектов, совокупность которых, за некоторым исключением, представляет вполне определенное культурное единство, позволяет достаточно уверенно очертить ареал этого единства и рассматривать его как отдельную археологическую культуру, для которой, принимая во внимание ее географическое положение, мы предлагаем название «Арало-Каспийская археологическая культура». Главным признаком, формирующим эту культуру, является своеобразный погребальный обряд, характеризующийся наличием многократных погребений на уровне древнего горизонта внутри каменных склепов, оград или ящиков. По комплексу материальной культуры она имеет много общего, с южноуральскими «савромато-сарматскими» памятниками, с одной стороны и культурой древнего Хорезма, с другой. Отметим, что поэтому же признаку в пределах Устюртско-Мангышлакского ареала объединяет в «общий культурный ареал» погребальные памятники, характеризующиеся наличием многократных погребений в каменных склепах Б.И. Вайнберг [20, с. 95].

К проблеме этнического определения «арало-каспийской культуры». Впервые попытку связать археологическую культуру, одним из ведущих признаков которой является наличие многократных погребений на горизонте внутри наземного каменного сооружения (склепа), с известными по сообщениям античных источников массагетами предпринял А.М. Мандельштам [11]. Затем это предположение на новом материале собственных исследований из Арало-Каспия, поддержал автор данного доклада [13, с. 76], а позже Х. Юсупов по материалам своих изысканий на Узбое [16, с. 208]. Как обитателей равнин Арало-Каспия в большинстве случаев рассматривают массагетов современные исследователи [5, с. 172; 22; 20, с. 222 сл.]. Геродот впервые упоминает массагетов в связи с походом Кира II в 530 г. до н. э. закончившийся, как известно, его гибелью. В V столбце Бехистунской надписи приводятся сведения о походе Дария в 519 г. до н.э. против саков-тиграхауда (массагетов греческих источников), закончившимся разгромом саков и пленением их вождя Скунхи [22, с. 175–187; 23, с. 100–103].

Таким образом, ареал и хронология арало-каспийской культуры в целом совпадают с территорией расселения саков-тиграхауда–массагетов, как она представляется на основании данных письменных источников. Это дает основание, вслед за А.М. Мандельштамом, предполагать, что носителями арало-каспийской культуры являются массагеты.

В литературе уже отмечено, что массагеты представляли большое и могущественное объединение племен [22, с. 116], собственные этнонимы которых для нас остаются в значительной мере неизвестными. Тем не менее, для части их, греческие источники сохранили их собственные этнонимы [обзор проблемы локализации массагетов и литературу см.: 5, с. 158–178; 20, с. 222–223]. Естественно, что в поле зрения античных авторов попадали массагетские племена, кочевавшие по руслу реки Аракса–Окса–Узоя, первые сведения о котором появляются в связи с обводнением русла Узоя и началом функционирования водного пути из Бактрии к Каспийскому морю [со совмещении древними Аракса–Окса с руслом Узоя см.: 21; 20, с. 212–213]. В то же время этнонимы племен, кочевавших по безбрежным просторам Арало-Каспия, оставались древним авторам неизвестными. Полагают, что на верхнем и среднем Узбое расселялось массагетское племя дербиков (дерби, дербеи), а в низовьях – также массагетское племя апасиаков (пестики, пасикаи) [24, с. 128; 20, с. 225–227].

С 1-й половины III в. до н.э. в числе племен, кочевавших по бескрайним просторам Арало-Каспия, отмечаются дахи или даи. И действительно, с этого времени, или даже немного ранее, мы наблюдаем распространение в Арало-Каспии новых типов погребальных памятников, по основным признакам совпадающих с погребальными памятниками прохоровской культуры Южного Урала [см.: 25], которую достаточно обоснованно связывают с даями или дахами греческих источников [см.: 19].

Литература

1. Kent R.G. Old Persian Grammar. Text, Lexicon [American Oriental Series, vol. 33]. New Haven. 1953.
2. Rawlinson H.G. The Persian sineiform inscription at Behistun deciphered and translated with a memoir // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1849.
3. Konow S. Kharoshthi inscriptions with the exceptions of those of Aśoka. Ed. by Stein Konow. Calcutta, 1929. [Corpus inscriptionum. Vol. II, part I].
4. Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов // ИАН СССР. Сер. истории и философии, Т. III. М., 1946.
5. Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
6. Геродот. История в девяти книгах /Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
7. Страбон. География // История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.
8. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975.
9. Herrmann A. Massagetai // Pauly's Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1930. Bd. 14/28.
10. Herrmann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets // Abhandlungen der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Ph.-hist Kl., N.F., Bd. XV, № 4. 1914.
11. Мандельштам А.М. К характеристике ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147.
12. Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
13. Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1.
14. Ягодин В.Н. Курганный могильник Джиделибулак I на Устюрте // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1999.
15. Yagodin V.N. The Duana archaeological complex // V.N. Yagodin, A.V.G. Betts, S. Blau. Ancient nomads of the Aralo-Caspian region. Peeters. Leuven–Paris–Dudley, M.A. 2007.
16. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
17. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д. 1–10. М., 1963.
18. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
19. Васильев В.Н., Савельев Н.С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.
20. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.
21. Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975.
22. Дандамаев М.А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда // Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР. № 61. М., 1963.
23. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
24. Вайнберг Б.И., Юсупов Х. Кочевники северо-западной Туркмении // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР ... в 20 томах. М., 1992.
25. Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. 1978. Вып. 154.